

«**КАКОВ** ваш гандикап?» — как-то спросили **Сэмми Дэвиса** во время игры в гольф. В ответ прозвучало: «Какое мой гандикап? Я еврей, черный, да к тому же одноглазый». В этой шутке-вызове сконцентрировалась вся нелегкая судьба замечательного «человека-оркестра» 50-х годов — певца, музыканта, танцора, актера, имитатора и мима.

«Да, я могу» — так называлась одна из песен Дэвиса, которая стала как бы лейтмотивом всей его нелегкой жизни, борьбы за

Маленький Сэмми. Большой Дэвис

свое человеческое и профессиональное достоинство. Непросто было ему в обстановке самодовольной довьетнамской и доутергейтской Америки пробиться к славе. Многосторонняя одаренность, каждодневный труд и неувыдающее чувство юмора сделали его одним из патриархов «шоубизнеса». Впрочем, каким он был в кино, на эстраде, в танце, таким же оставался и в жизни: легким на подъем, задиристым бойцом, постоянно возмущающим заостренную публичку своими эпатажными выходками.

В 1960 году, когда Америка захлебывалась в расовых проблемах, когда любое упоминание о полном равенстве черных и белых вызывало раздражение у добропорядочных американцев, Сэмми Дэвис бросает свой первый вызов обществу — женится на белой

актрисе, шведке Май Бритт.

Этот «мезальянс» сначала вызвал шок в Голливуде, а потом — скандал по всем штатам. Белые пуритане возмущались Мэй, а черные — презирали Дэвиса за измену расовым идеалам. Сэмми, конечно, потешался над этим воем, отпуская шуточки в адрес тех и других, но, если бы не профессиональная солидарность и близкие друзья, бунтарю-одиночке пришлось бы, наверно, несладко.

Шли годы. Менялась Америка, лишь не менялся неунывающий «маленький Сэмми». Забылись обиды, улеглись политические страсти. Пришло признание и покой. В доме Дэвисов перебивали почти все «звезды» Америки и Европы. Их фотографии с посвящениями украшают стены знаменитой виллы в Беверли-Хиллз. Многие научились многому у хозяина дома.

Когда Сэмми спрашивали, почему он не бросит курить, то он по своему обыкновению отшучивался: «Пробовал, с помощью гипноза. Бросил: это ужасно скучно, когда доктор упирается взглядом в мой стеклянный глаз». Приговор врачей был окончательным: рак горла. Сначала это не испугало его, и он продолжал работать с бешенством обреченного. Потом, когда наступило резкое ухудшение, он созвал старых друзей. Во время веселой вечеринки позволил себе слабость, шепнув Синатре: «Жизнь так коротка...»

...Лучший памятник ему — табличка на дверях дома с надписью: «Этот дом приветствует все цвета, все расы, все религии, если они несут в себе мир и любовь. Дэвис».

В. ЖУРАВЛЕВ.